Этой ночью буря сотрясала восточное побережье Вестероса, и словно предвещала грядущие беды.

Ветер развевал плащ Барристана Селми, а проливной дождь стучал по его светлым доспехам, творя тем гулкую мелодию. Уже дважды он вынужден был брать под контроль своего скакуна, который вставал на дыбы от страшных раскатов грома, фыркал, вертел испуганными глазами и вглядывался во тьму. Когда же Барристан достиг ворот, то ему буквально пришлось кричать охраннику, стоящему на расстоянии менее одного метра, чтобы тот его услышал. Верховая езда в такую погоду — дерьмо полнейшее. Но у Королевского Гвардейца была важная миссия. Его вела не королевская воля, а собственная совесть и опасения за человека, которого он считал своим приемным сыном.

Эйлор изменился. Он еще не совершил ничего рокового, но Барристан знал его лучше всех, и потому видел в нём просыпающиеся ростки безумия. Селми, как никто другой, был знаком с эксцентричностью семейства Таргариенов, будучи живым свидетелем правления Эйриса. В то же время Эйлор всегда держал себя в руках, не проявляя той буйной сущности, которая являлась проклятием его рода и часто навлекала беду.

Он был поистине светлой стороной монеты Таргариенов.

Кроме тех моментов, когда его гнев становился всепоглощающим, темным и густым, подобно патоке. В них даже Сумеречный Дракон становился… неуравновешенным. Его боевая ярость, подпитываемая адреналином и стремлением защитить близких, не вызывала у Барристана Смелого опасений. Однако другой вид гнева, который Эйлор едва ли не умышленно позволял пускать в своей душе корни, тот гнев, который превращался в его жизненную цель и требовал прежде всего уничтожить противника… вот он уже пугал рыцаря Королевской Гвардии. Эйлор ненавидел Роберта Баратеона. Он испытал огромное удовольствие, даже опустошение, убив его. И это нормально. Однако новая ярость была направлено не только против Тайвина Лайнистера, а на весь род Ланнистеров как таковой.

Вот это уже не нормально и изрядно напугало Барристана.

Элия погибла в самый неподходящий момент. Это событие в любом случае оставило бы чудовищную рану на сердце Эйлора, но именно сейчас, когда умер его брат по духу и друг всей жизни… такая рана может стать фатальной. Если не для тела, то для разума.

Второго сына Эйриса обуяла самая безумная, дикая ярость, которую Барристан только видел: одного упоминания имени Ланнистеров хватало, чтобы принц сжимал кулаки и стискивал зубы. Красный Змей лишь ухудшал положение. Оберин тоже был вне себя от злобы и требовал отмщения, требовал голову каждого Ланнистера, которого они только могли найти, включая тех, кто служил в армии лоялистов и сражался на Трезубце под предводительство Кивана

Эйлор пока что держался; держал в узде свои тёмные желания. Но Барристан… он видел. Видел, что это лишь вопрос времени, когда горечь и страдания Эйлора истощат его и без того измученный рассудок, и тогда, он сломается, он поддастся настояниям принца Дорна. Когда

это случится, — а это случится, лишь вопрос времени, — то даже сир Киван, непричастный ни к чему, кроме того, что он кровный брат Тайвина, окажется в опасности.

Именно поэтому Барристан скакал на коне посреди ночи, в самый разгар бури. Эйлор мог спасти свою династию от ран, нанесенных его отцом, но он не мог спасти её от собственного гнева. Это выпало на долю Барристана; рыцарю королевской гвардии оставалось лишь молиться о том, что Сумеречный Дракон когда-нибудь его простит.

Палатка сира Кивана располагалась в сердце воинов Западных Земель; её створки были закрыты, что ожидаемо, учитывая неистовства бури, но свет свечи всё же просачивался сквозь ткань и говорил о том, что человек внутри ещё не спит. Стража отсутствовала, поскольку война считалась завершенной, а армия просто ожидала разрешения от Эйлора на отбытие, так что Барристан беспрепятственно подошел к заслонке и пару раз ударил по ней ладонью.

Сиру Кивану понадобилось несколько мгновений, чтобы расстегнуть створки и впустить его внутрь. Эти мгновения показались Барристану целой вечностью. Как только он вошел в сухое пространство и заметил, что в просторном шатре присутствуют еще несколько мужчин, которые, судя по внешности, были Ланнистерами, он вихрем кинулся к человеку, к которому и держал путь.

— Вам нужно уходить, милорд.

Киван нахмурился.

— Уходить?

— Ваш брат и племянник сбежали из темницы с помощью Пицеля. Они направляются в Западные Земли, чтобы поднять оставшихся там людей и собрать новое войско.

Лицо Кивана стало еще более растерянным; он пытался осмыслить сказанное. Что-то не сходилось.

— Джейми? Но он был ранен, защищая…

Барристан прервал его, и в голос свой вложил вес и тон, которые отчётливо говорили о том, насколько серьёзная ситуация и как быстро им нужно действовать:

— Нет, он не был ранен, и нет времени на объяснения. — Барристан положил руки на плечи Кивана и посмотрел ему в глаза, после чего начал проникновенно, но кратко излагать суть: — Тайвин приказал убить Элию Мартелл. Он пытался сделать то же самое с королем Эйгоном и принцессой Рейнис, но его остановили. Эйлор в ярости и горе, Оберин — тоже. Они жаждут крови; крови Ланнистеров.

Шокированный, Киван отшатнулся назад.

— Но мы верно служили…

— Я знаю. Глубоко внутри, Эйлор тоже это понимает. В противном случае, вы были бы уже мертвы. Но пока Тайвин не предстанет перед судом, каждый Ланнистер находится в потенциальной опасности. Ради Семи, Киван, бегите, вернитесь к своей семье и уведите их подальше от всего этого ужаса до тех пор, пока всё не закончится, пока Эйлор снова не станет самим собой.

— Мой брат…

— Убил невинную женщину и попытался убить её маленьких детей, один из которых — младенец. Ты не в силах спасти Тайвина — он сам предрешил свою судьбу. Единственное, что ты можешь сделать — спрятать семью, пока всё это безумие не закончится. Когда Тайвин умрет, возможно, Эйлор обретет здравомыслие. Но до тех пор — бегите. — Барристан обратился к другим людям Ланнистеров, которые только начинали подниматься. — Бегите, все вы. Уводите свои семьи и прячьтесь сами. Идите, прямо сейчас!

К их чести, больше слов не потребовалось: Киван и остальные поспешно начали воплощать в жизнь его совет. Барристан наблюдал, как они натягивали сапоги и хватали мечи, прежде чем бросаться из палатки. Сквозь грохот шторма слышалось ржание коней, которых торопливо оседлали и пустили во весь опор — в вихрь ветра и дождя.

Барристан спокойно забрался на свою лошадь, как только сир Киван исчез, и повернул её, неуверенно возвращаясь обратно в Королевскую Гавань.

Он мог лишь молиться о том, чтобы его поступок не стоил ему головы.

Примечание переводчика

Эта глава - 6.5к знаков. Следующая - 15к.

http://tl.rulate.ru/book/80678/2875033